



1980 1981 1982 1983
1984 1985 1986 1987
1988 1989 1990



Люди не могут думать одинаково, но понимать друг друга должны.
На то они и люди.



Виктор Цой. Ленинград. 1 мая 1987 года.
Фото — Олег Флянгольц. Из архива Марьяны Цой



Виктор Цой и скотч-терьер Билл на прогулке. 1985 год.
Фото — Дмитрий Конрадт

Предисловие

О лидере рок-группы «КИНО» написано немало. Несомненно, можно спорить — все ли сказано? Все ли опубликовано? Сомневаюсь... Что же касается фотоматериала — то тут история еще интереснее. Огромное количество фотодокументов, касающихся темы Цоя, так и продолжают храниться в шкафах коллекционеров, жадных до денег и славы фотографов, а то и попросту несведущих в теме рок-музыки людей, однажды сфотографировавших группу «КИНО» и на долгие годы забывших об этом...

В последние годы ситуация в какой-то степени немного изменилась, и в глобальной сети начали появляться как уникальные материалы из частных коллекций, так и простые фотоснимки с концертов, сделанные на обычные любительские камеры, что конечно же, ничуть не умаляет их достоинства и ценности.

Весной 2017 года было решено подготовить «Памятный альбом» — проект, посвященный 55-летию Виктора Цоя. С большим трудом все же удалось довести проект до конца, и альбом вышел в свет. Поклонники «КИНО» были приятно удивлены и обрадованы выходом книги и настойчиво требовали какого-то продолжения. В конце концов, было принято решение подготовить еще один фотоальбом, выход которого должен стать большим подарком всем ценителям творчества группы «КИНО».

Публикация неизвестных черновики в этом альбоме стала возможной благодаря

Наталии Разлоговой и Александру Цою, которые сохранили и предоставили их в мое распоряжение. Огромное им спасибо за это. Ведь все это имеет большую культурную и материальную ценность, и сегодня многочисленные поклонники «КИНО» требуют опубликования всех материалов, мотивируя свои требования тем, что никто не имеет единоличного права на архив, что «все то, что сохранилось от Цоя — достояние нашей культуры. Наше всеобщее сокровище. Как Пушкин, Пастернак, Цветаева или Высоцкий. Хотят того люди или нет. У творчества Цоя нет хозяина. У таких людей, как Пушкин, Пастернак или Высоцкий, или Цой нет хозяев. И быть не может».

Немногие люди могут похвастаться тем, что видели, как Цой писал свои песни. Обычно Виктор писал их уединенно и процесс написания всегда был своеобразным. Яркий пример тому рождение песни «Кукушка». По воспоминаниям Наталии Разлоговой и Юрия Каспаряна, маленький сарайчик в Плинциемсе, где родилась песня, был в буквальном смысле окружен чем-то неземным. И в противоположность этому Марьяна вспоминала, что однажды ночью на кухне она увидела Цоя, сидящего с гитарой на полу и царапающего на спичечном коробке текст песни «Транквилизатор».

Как известно, Виктор никогда не публиковал свои черновики, поэтому было сложно решиться представить на суд читателей строки, которые так и не увидели свет,

не стали песнями. Этично ли это? Прошло более четверти века, и думаю, что наследие музыканта должно принадлежать людям, которым оно дорого и важно. Тем более что родные и близкие Виктора пошли навстречу и позволили опубликовать эти материалы. Я очень рад, что несколько лет работы все-таки увенчались успехом, пусть не так, как задумывалось изначально, но все-таки... Уверен, что многие найдут там для себя нечто удивительное и интересное. Неизданного материала еще много, и будем надеяться, что при разборе черновиков, блокнотов и записей Виктора в будущем, еще найдется немало дорогих фанатским сердцам строк.

Спасибо музыкантам группы «КИНО»: Юрию Каспаряну, Игорю Тихомирову за поддержку и адекватную оценку издаваемых книг. Отдельная благодарность Виталию Фролову и администратору группы «КИНО» Юрию Белишкину, Олегу Толмачеву и лидеру группы «Фильмы» Василию Игнатьеву за помощь и предоставленные материалы. Особая благодарность авторам, которые безвозмездно разрешили использовать свои фотоматериалы в книге. Большое спасибо Джоанне Стингрей, Олегу Флянгольцу, Андрею Данилову, Ларисе Биткуловой, Сергею Рыженко, Дмитрию Конрадту, Юрию Холмогорскому (посмертно), Сергею Котегову, Владимиру Быстрову, Анатолию Азанову (посмертно), Александру Федорову, Георгию Молитвину (посмертно), Андрею Кудрявцеву, Георгию Горину, Константину Елгешину, Аркадию Высоцкому, Виктору Лаврешкину, Алексею Чугую, Марку Шлямовичу, Дмитрию Зашеринскому, Александру Фролову, Ларисе Фирсовой, Андрею Кузьмину, Владимиру Шулешову, Владимиру Бондаренко, Александру Романову, Олегу Яровикову, Евгению Додолеву, Андрею Кулёву, Юрию Хомякову, Феликсу Розенштейну, Елене Константиновой, Руслану Ямалову, Александру Астафьеву, Катерине Магалаяс, Дмитрию Терехову, Светлане Борисевич, Андрею Мосунову, Николаю Краснопевцеву и другим, чьи материалы использованы в этой книге.

Выражаю отдельную благодарность Волшебнику Изумрудного Города (Министру Добрых Дел), Дмитрию Давыдкину, Анастасии Боковнёвой, Рапцевич Дарье. Именно их отзывчивость и желание помочь сыграло решающую роль в подготовке данного проекта. Еще раз спасибо!

Благодарю Александру Камачеву (Санкт-Петербург), Елену Коноплеву (Санкт-Петербург), Ларису Михно (Норильск), Наталью Лебедеву (Санкт-Петербург), Марину Гребенькову (Курск), Julia Hyde (Helsinki), Анастасию Кривенда (Санкт-Петербург), Максима Давыдова (Севастополь), Виктора Лукашкина-Гусева (Псков), Алексея Гусева (Санкт-Петербург), Анатолия Артемьева (Санкт-Петербург), Юрия Артюшкина (Санкт-Петербург), Ирину Холодок (Москва) и прочих людей, пожелавших остаться неизвестными.

Благодарю так же всех тех, кто помогал в установлении датировок и поиске верной информации, касающейся группы «КИНО», в частности — Алексея Марчену, Владимира Долгова, Романа Бурова, Дениса Буркина, Владимира Митина, а так же Оксану Печкобей, Оксану Омельчак, Владимира (Хорус) и других.

Я надеюсь, что эта книга-альбом станет еще одним подарком тем, кто хранит верность памяти «КИНО». Тем, кто и сегодня с его «группой крови на рукаве». В этом проекте совсем немного текста, и это не случайно. Пусть его заменит нарастающее биение пульса в такт всплывающим в памяти строчкам из песен. Эти песни звучали в каждом дворе по всей стране. Они объединяли поколение. Все было как будто вчера! Низкий чуть хриплый голос Цоя — это голос родного человека, собрата по оружию, друга и своего парня. Чуть смущенная улыбка, насмешливый прищур глаз, искренность и сдерживаемая страстность, узнаваемость каждой песни. Он ушел на взлете, будучи в зените славы, ушел молодым, любимым сотнями тысяч людей. Ушел, но оставил нам свои песни...

Спасибо всем, кто любит и помнит Виктора Цоя и группу «КИНО».



Виктор Цой. Пермь. 1990 год.
Фото из архива Ларисы Биткуловой

1980

Ноа уруре педра в тускых поездегах
 Маа сурдуса ходла ва госты драге и драгу

~~Они~~ ~~стационар~~
 Они ~~исчерпан~~ бренье
 От верей стареки и крду

И каждой хогам забиты дечи рожденья
 И ~~каждый~~ ~~ночь~~ темное геш утро вечер
 где каждого ~~синам~~ пеени
 но все они владеет реско
 и катоды

Наше бренье это вечер и утро

В конце июля 1980 года Виктор Цой поступает в СПТУ-61 по специальности «резчик по дереву». Осенью он поехал на сельхозработы в Астрахань, где познакомился с гитаристом и певцом Сергеем Тимофеевым (экс-«Берега»), который тоже сочинял симпатичные битовые песни. Вернувшись в Питер, они собрали в стенах училища группу «Ракурс», с которой регулярно играли на дискотеках.

Антон Галин:

Цой только-только начал на своей гитарке бренькать... Он как раз пошел учиться в какую-то путягу, из «Серовки» он отвалил и пошел... Резчиком по дереву. Все хвастался мне... Все время, помню, ходил с ножичком, что-то ковырял, объяснял, что-то резал нам... Что-то говорил там такое. Он тогда все время хохотал, удивлялся — вот, говорит, я там музыку играю, у него там какая-то другая группа была, так всем нравится, смешно.

Известна коллекция нэцке, выполненная Виктором с большим изяществом и мастерством, а у Наталии Россовской, бывшей жены лидера группы «Зоопарк» Михаила «Майка» Науменко, хранится пепельница, сделанная Цоем в виде стопы, каждый из пальцев которой представляет собой миниатюрный фаллос...

Наталья Россовская:

Пепельница у меня. Раньше мы ей пользовались, пока наш приятель (художник из Гжели) не стал выставлять ее в ЦДХ. Мне стало стыдно, я ее отмыла и убрала. Для потомков. Пальцы как пальцы. Мне они ничего такого не напоминают.

Игорь Петровский:

У меня сохранились поделки, сделанные Цоем, — он дарил их моей жене. Слоник, человек орущий. Мы храним их много лет.

А я Алексей,
 Хотя мне и не всегда слышно
 Ц; очень грусть, когда мне
 говорит ^{эти} ~~эти~~ ^{мимы} ~~мимы~~ вот так
 как ~~я~~ ^я ~~мимы~~ ^{мимы} ~~мимы~~ ^{мимы} ~~мимы~~
 почему ~~я~~ ^я ~~мимы~~ ^{мимы} ~~мимы~~ ^{мимы} ~~мимы~~
 мимы



Мой дом был пуст
 Сейчас народу там полно
~~уже давно~~ ^{уже давно} ~~уже давно~~ ^{уже давно} ~~уже давно~~
~~семьдесят~~ ^{семьдесят} ~~семьдесят~~ ^{семьдесят} ~~семьдесят~~
 И кто то ~~зачем~~ ^{зачем} ~~зачем~~ ^{зачем} ~~зачем~~
 Разбив окно ~~я~~ ^я ~~я~~ ^я ~~я~~
 это все равно.

Всеволод Гаккель,
 музыкант группы «Аквариум»:

У меня есть только пепельница в
 виде рта. Одна из многих поделок, которые
 Цой вырезал из дерева и неизменно дарил
 своим друзьям.

Виктор Цой:

Я люблю все, что сделано руками.
 Наверное, потому что сам кое-что могу. Я
 по образованию краснодеревщик. Дерево
 люблю. И все, что с ним связано, — листья,
 кору, корни.

Георгий Гурьянов:

Из «Серовки» он перешел в другое
 училище, менее художественное, но более
 ремесленное. Он же очень рано же-
 нился, ему надо было независимо суще-
 ствовать, деньги зарабатывать. Красноде-
 ревички — я очень ценю эту профессию:
 реставрация, дерево, — очень классная
 вещь.

Черновик песни «Мои друзья».
 Из архива Марьяны Цой

Деревянная фигурка
 нэчке работы Виктора Цоя.
 Из архива семьи Цой

Немногим позже, после развала «Па-
 латы», Цой, в то время еще совсем не пи-
 савший песен, но очень умело пародиро-
 вавший советских исполнителей, оказыва-
 ется в компании Андрея Панова «Свиньи»,
 будущего лидера панк-команды «Автоматические Удовлетворители», с которым он
 познакомился благодаря одному из знако-
 мых Максима Пашкова.

Андрей Панов:

У Цоя, кстати, были хорошие склон-
 ности к пародированию. Он неплохо пародиро-
 вал советских исполнителей — жесты,
 манеры... Особенно он любил Боярского. И
 Брюса Ли, но это уже потом. А с Боярским





Словно тень безу куда то , а как тень
 Порохнюсь она зывается на ято
 До отказа ерундой набит мой день
 Давит вечер черното грошедо

Проходит день за днем ,
 дождь за дождем ,
 снег за снегом

А я в который раз иду
 по мокрому асфальту дождя



Календарный лист оборван , день галбн
 Я устну , простнусь и буду в новом дне
 День прошедши остается за спиной
 Пробивают брешь а в новых днях стене



было заметно очень. Он ходил в театры, знал весь его репертуар, все его песни. Ему очень нравилась его прическа, его черный бодлон, его стиль. Цой говорил: «Это мой цвет, это мой стиль». И действительно знал и исполнял репертуар Боярского очень неплохо.

Алексей Рыбин:

Мы Боярского слушали, развлекались, и Виктор некоторые песни наизусть знал. Да что там Боярский! Мы на концерт Валерия Леонтьева в СКК ходили! Это же было профессионально, почему не посмотреть.

Антон Галин:

Я прекрасно помню, как я, «Свинья», Цой и еще пара персонажей культовых ходили в оперу с пивом. Сидели там, пиво жрали на балконе и слушали оперу...

Сейчас вот по воспоминаниям может складываться такое впечатление, что все это какие-то особые люди... Да ничего

особенного, обычная жизнь была у нас такая. Советская и постсоветская. Ну ходили и хохотали там... Никакой политики, кстати. Все были абсолютно аполитичны. Никакой антисоветчины. Иронично относились к Брежневу, но ни об одном из своих знакомых я не могу сказать, что это был такой яркий антисоветчик типа Солженицына. Все просто как-то оттягивались, реально оттопыривали свою жизнь как хотели. Тогда не было ничего. Просто пытались весело проводить время. Никаких развлечений, никаких дискотек, если вы реально представляете, что ничего нет. Развлечений никаких. Если сам себе не придумаешь, то никаких и не будет.

В октябре 2014 года журналист газеты «Правда Севера» опубликовал интервью, взятое у Виктора Цоя в конце июня 1990 года.

Черновик песни «Словно тень...».
 Из архива Марьяны Цой

Я Цой и я ~~Сигит~~^{Сигит} на свете
 Такой, хоть Цойв прыг прыг
 Я видел завета в Газете
 Сигит, с медалью на груди

То был не брат ~~и не знакомый~~
 Хотя со мной бы чем то схожа
 Не так краше как я ~~одному~~^{одному}
 Но все таки миле, пригоде

Есть у меня приятель - Рубе
 Был прозван так за ~~длинный~~
 Стал как ~~каменная~~ ~~голова~~
 и ~~словно~~ ~~лет~~ ~~есть~~ ~~эт~~ ~~знаю~~
 В Аэ- на устах Сигит вопрос

Козари побудь ты потешаешь?
 Других те слов не знает он
 Мивет и раздувает тошу повеса
 Что он не ёт не кот, не слон,

А Рубе пылаю и в море
 Недостает воде ~~корабля~~ вода
 Ему заходит до волн миль
 И он ~~как~~ ~~поплава~~ ~~луче~~
 прекрасен как звезда
 Стоит, ногу дитица вырос
 И палец в глаз себе упер
 Наверно будет космонавтом
 Крочат верблюды из за гор



Я смотрю в окно на грустный бал зимы
 Деревья без листьев долгие ночи
 С каждой зимой труднее поминать лето
 Эти дни не могут мне помочь

Мертвое тепло в теле батарей
 Мертвые цветы на рынках плачут
 Каждой вечер хочется быть дома
 Эти дни не так уж много значат



Первый снег красив но он несущий смерть
 Голуби сидят на локтях тишины
 В это время больше хочется тепла
 Я сижу и жду зиму свою весну

— У вас были какие-то очень любимые исполнители в детстве, в отрочестве?

— (смущенно улыбаясь) Я Боярского очень любил. Честно... И, конечно, Владимира Семеновича Высоцкого. Я и сейчас его люблю.

Однако именно «Свин» оказал на Цоя некое влияние, и Виктор начал что-то пытаться сочинять сам. Первыми из сочиненных им песен были «Вася любит диско» и «Мои друзья». По воспоминаниям Панова, у Цоя была еще какая-то песня с фразой о металлоконструкциях, жесткий текст с абсолютно панковской накачкой, но история, к большому сожалению, его не сохранила...

Рукопись стихотворения «Зима».
Из архива Марьяны Цой

«Свинье» понравились первые сочинения товарища, и он даже эпизодически подыгрывал Цою.

Андрей Панов:

Конечно, я у Цоя много спрашивал — типа аккорды, не аккорды... Как это сделать, как взять... У Максима с Витей группа была в техническом плане очень сильная. У нас сейчас таких нет. Ни в рок-клубе, нигде. Потому что люди занимались музыкой, а не то что там — в рок играли.



Резьба по дереву. Работа Виктора Цоя «Старец».
Из архива семьи Цой